Амелькин А.О.

Об авторе "Слова о полку Игореве"

Поиск автора "Слова о полку Игореве" издавно привлекает к себе внимание исследователей. Однако, в условиях, когда от нескольких миллионов современников новгород-северского князя до нас дошло две-три сотни имен, когда многие из них, лишь единожды мелькнув на страницах летописи, навсегда исчезли во тьме веков, разрешение такой задачи представляется почти невероятным. Более того, остается неясным сам характер памятника, жанровая природа которого определяется учеными по-разному, а значит различным оказывается и место автора в процессе создания "Слова о полку Игореве". Так, представление о "Слове", как о дружинной песне, ставит вопрос о степени воздействия эпической традиции на творчество его создателя, по-разному оцениваемой специалистами /вплоть до признания им составления этого памятника из нескольких песен, сложенных разными певцами[1]/. Вытекающий из этого же предположения вопрос о том, сразу ли была записана песня, требует исследования изменений авторского текста в ходе его устного бытования. В связи с предположением о диалогическом строении "Слова"[2] необходимо выяснить роль каждого из певцов в творческой судьбе памятника. Признание же "Слова о полку Игореве" произведением книжной культуры /повестью, памятником ораторского искусства[3]/ оставляет за его создателем больше прав на индивидуальное авторское начало. Но и при этих условиях могут возникнуть вопросы о редакторских переделках памятника и их роли в ходе формирования окончательного текста "Слова"[4].

Тем не менее вопрос об авторстве "Слова о полку Игореве" имеет большое значение, поскольку ясное представление той позиции, с которой описываются события похода новгород-северского князя, позволяет лучше проникнуть в мир художественных образов этого памятника. И если в XIX в. господствовало представление о средневековой литературе, как об анонимной, по преимуществу, то на протяжении XX в. появилась масса гипотез об авторстве конкретных лиц. Все гипотезы о создателе гениального произведения можно сгруппировать по социальному положению предполагаемого автора: дружинному, княжескому или церковному.

Несмотря на разнообразие мнений, общим методологическим основанием всех исследований об авторе "Слова" было убеждение, что его имя обязательно сохранилось в том небольшом списке современников князя Игоря, который дошел до нас. Такой подход обедняя представление о древнерусской культуре, ограничивая наши знания о ее деятелях лишь чрезвычайно узким кругом лицей, обезличивая и не воспринимая огромное множество тех, чьи имена остались нам неизвестными. Отсюда проистекает методическая ошибка: поиск идет от имени к тексту, т.е. в биографии предполагаемого автора гипотетически восстанавливаются те факты, которые не противоречили бы написанию им "Слова о полку Игореве".

Однако, в большинстве случаев эти факты домысливаются, а не извлекаются из источников, и говорят лишь о потенциальной возможности написания, но не являются достаточными для однозначной атрибуции. Кроме того они часто основываются на иных, нежели само "Слово", источниках и не связаны с историей создания памятника. Поэтому до сих пор для каждого из предполагаемых создателей "Слова" "остается недоказанным умел ли он писать, сочинял ли что-нибудь или пел, был ли он в живых во время похода Игоря и в ближайшее время"[5].

Широкий кругозор автора, его благожелательное, а порой и восторженное, отношение к современным ему князьям, этикетное обращение к ним в порядке генеалогического старшинства[6] предельно осложняют анализ политической позиции поэта с точки зрения пристрастий, вызванных его происхождением и судьбой. Поиск местных особенностей в языке создателя "Слова" так же пока крайне затруднен, поскольку нам недостаточно хорошо известны региональные и социальные особенности речи домонгольской Руси. К тому же некоторые из них могут принадлежать переписчикам памятника. В связи с этим все попытки доказать авторство конкретного лица, исходя из реконструкций его биографии, не представляются убедительными.

Речь может идти лишь об определении в самых общих чертах облика автора: его социальном статусе, политической ориентации, происхождении и месте жительства, возрасте, уровне образованности и т.д. Причем единственным источником для нас может служить только само "Слово". Яркая фигура автора, который был одновременно деятельным воином, охотником и гениальным литератором, добрым христианином и знатоком языческой мифологии, не могла не проявить свою незаурядность, и безымянный поэт оставил нам множество сведений не только о мире, в котором он жил и творил, но и о себе самом. Что же мы можем, опираясь на эту информацию, сказать об авторе гениальных строк поэмы о трагическом походе князя Игоря?

"Слово о полку Игореве" - памятник книжной культуры, а, следовательно, не смотря на влияние песенных традиций, этикетных формул и литературных штампов, это произведение одного автора, подчиненное единой творческой воле. Такая оценка "Слова" позволяет искать в нем сведения о его создателе, а не о группе лиц, причастных к сложению текста этого памятника.

Первое, что приходит в голову, когда начинаешь представлять автора "Слова о полку Игореве", это образ человека, профессионально слагавшего и исполнявшего свои произведения. Об этом свидетельствуют как высокое мастерство автора "Слова", так и само существование такого круга людей не только в Западной Европе, но и на Руси[7]. Но, подобно многим европейским певцам, он мог выполнять и другие функции при дворе князя[8], мог быть и не связан с ним.

Поэтому один из основных вопросов - из какой же социальной среды происходил автор "Слова"? Безусловно, он был человеком мирским. Еще Н.М.Карамзин отмечал, что "Слово о полку Игореве" написано, "без сомнения, мирянином, ибо монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные"[9]. Не принадлежал певец и к княжескому сословию, поскольку присутствующее в тексте обращение "господине" было естественно в разговоре подданного и князя, но неуместно в междукняжеских отношениях[10]. Обращает на себя внимание и необычайно глубокая осведомленность автора в военных вопросах[11], однако последнее обстоятельство было весьма естественным у достаточно широкого круга лиц в эпоху феодальных усобиц и постоянной половецкой опасности. Так кто же он - безымянный автор?

Человек "с ястребом на плече", называл его И.Шкляревский. Действительно, давая обобщенную картину природы, автор не знал названий отдельных деревьев и трав, но много и подробно говорил о птицах и зверях, образы соколиной охоты в "Слове" занимают одно из ведущих мест[12]. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что поэт - ловчий. Но, возможно, он был про-

сто любитель соколиной охоты. И в том, и в другом случае он - представитель феодального сословия. Автор прямо отождествляет себя с этой социальной группой: "а мы уже, дружина, жадни веселия".

Какому же князю он служил? Попытки опереться на те места "Слова", где он говорит о событиях как очевидец, не смогли привнести ясности в этот вопрос, поскольку поэт широко использовал прием передачи событий в ярких зрительных образах, причем даже в тех случаях, когда автор явно не видел происходившего лично. Он подробно описывает Игоревы войска накануне битвы, гридницу великого князя киевского в момент получения известия о разгроме новгород-северских дружин, бегство Игоря из плена, разговор преследующих его половецких ханов и т.д. Следовательно, важно определить не просто то, о чем певец говорит как очевидец, а понять, что он реально видит.

И здесь большую роль играют известия о последствиях Игорева поражения. Из городов, пострадавших от ответного набега половцев, названы только два - Переяславль Русский и Римов, входящие в Переяславское княжество. О разорении городов в Новгород-Северском княжестве поэт ничего не знает[13]. Странным кажется и горячий призыв автора на борьбу с Кончаком и только Кончаком, хотя в "Слове" упоминается имя и другого предводителя половцев - Гзы. В 1185 г. Кончак играл очень специфическую роль в борьбе половцев с князем Игорем. Он, скорее всего, не принял активного участия в разгроме новгород-северских дружин, тут же на поле битвы поручился за своего свата Игоря, во время ответного набега напал на земли не принимавшего участие в походе соперника князя Игоря - переяславского князя Владимира Глебовича. Если предположить переяславское происхождение

автора, то станет понятной его неприязнь к Кончаку, молчание о набеге Гзы на Сейм и те образы разорения Русской земли, в действительности быстро локализованного в пределах двух княжеств.

Вряд ли автор проживал при дворе Святослава Киевского, поскольку ему осталось неизвестным, что князь получил сообщение о разгроме Игоря не в Киеве, а в Чернигове. Подробно говоря о последствиях поражения для Переяславской земли, певец ничего не знает о Новгород-Северской, хотя заботу об обороне обоих княжеств взял на себя киевский князь. Едва ли киевлянина заинтересовало бы и взятие небольшого пограничного города в чужом ему княжестве. Эти факты одновременно говорят и о невозможности считать автора "Слова о полку Игореве" обитателем Черниговщины и Северщины, поскольку он не знает ни о разорении Посемья Гзой, ни о мероприятиях направленных на защиту этих земель. Думается, черниговцу было бы приятно упомянуть, что первое известие о поражении Игоря киевский князь получил в Чернигове, но в "Слове" об этом ничего не говорится.

Разбор политических пристрастий "Слова о полку Игореве" породил множество точек зрения на политическую ориентацию автора. Явное сочувствие всем участникам борьбы с половецкой опасностью крайне затрудняет поиск того князя, которому служил поэт. Однако само избрание в качестве темы неудачного похода князя Игоря, заставляет сомневаться в том, что именно он был сюзереном создателя "Слова". Автор поддерживает Святослава Киевского, но осуждение поэтом Олега "Гориславича", который был дедом не только Игоря, но и Святослава, не позволяет думать, что "Слово о полку Игореве" было написано при дворе великого киевского князя. В то же время гипотезе о сложении памятника в Переяславле Русском нет серьезных препятствий. В произведении упомянут подви

переяславского князя Владимира Глебовича, говорится о князьях, принимавших реальное участие в борьбе с половцами, причем их список возглавляют родной дядя переяславского князя - Всеволод Большое Гнездо, и троюродные братья Рюрик и Давыд, а заслуги оцениваются через призму их активности в этом противостоянии, что соответствовало политическим интересам переяславцев. Предположение о переяславском происхождении автора объясняет и причины появления на страницах "Слова" рыцарственного образа брата новгород-северского князя - Всеволода Трубчевского и Курского, поскольку последний был женат на сестре Владимира Глебовича - "красныя ГлЬбовны".

В связи с этим представляется неслучайным и проходящий через всю песнь спор сказителя с певцом дома Ольговичей - Бояном. Автор подчеркивает, что начинает свое произведение не по замышлению Бояна, риторически вопрошает его, как бы тот смог воспеть поражение Игоря. Но спор создателя "Слова" с любимцем князя Олега носит не только поэтический, но и политический характер, в отличии от Бояна поэт осуждающе относится к "Гориславичу".

Еще одним аргументом в пользу той или иной гипотезы может выступить анализ литературной среды в которой сложился памятник. А.А.Косоруков убедительно доказал, что при создании текста поэт опирался на источники, а Д.С.Лихачев обратил внимание на текстологические переклички "Слова о полку Игореве" и статьи 1185 г. Ипатьевской летописи, высказав мнение о существовании общего для обоих произведений источника[14]. Следует заметить, что отзвуки гениального произведения встречаются и в других частях Ипатьевской летописи. Так в "Сказании о Емшан-траве" говорится, что Владимир Мономах пил золотым шеломом Дон, а Кончак - вычерпал Сулу, нося котел на плече. Эти образы в древнерусской

литературе очень редки. В то же время в "Слове о полку Игореве" князь Игорь хочет "испити шеломомь Дону", а князь Всеволод может "Донъ шеломы выльяти". Сложный состав интересующей нас части Ипатьевской летописи, т.н. Киевского свода 1199 г., включавшей в себя многие памятники исторического повествования, в том числе летописец Ростиславовичей, летописец Владимира Глебовича Переяславского и летописец Игоря Святославовича Новгород-Северского и Черниговского, заставляет предпринять поиск того памятника местного летописания, к которому восходят строки, созвучные "Слову".

Статья 1185 г. составлена на основании не менее трех источников. Полный замечательных подробностей рассказ о походе Игоря, о распределении знатных пленников между половцами и о бегстве князя из плена[15] восходит, скорее всего, к черниговскому летописанию. Запись покаянной речи Игоря, который в момент гибели собственного войска сожалеет о разорении Переяславля,/С. 643-644./, сделана, очевидно, переяславцем. Ему же принадлежат рассказ о подвиге Владимира Глебовича, отступлении Давыда Смоленского и взятии половцами Римова,/С. 646-648./ и отрывок о возвращении князей из погони /С. 648./, в котором опять упоминается переяславский князь. Такое происхождение этих фрагментов подтверждается и тем, что очень близкий рассказ об обороне Владимиром Глебовичем Переяславля встречен в Лаврентиевской[16] летописи, связи которой с переяславским летописанием хорошо известны[17]. Более сложно определить происхождение еще одной /?/ группы текстов, хотя именно в ее составе находятся интересующие нас строки. Это помещенное между описанием битвы и покаянной речью Игоря высказывание о плаче и стенании поднявшихся в результате поражения на реке Каяле,/С. 642-643./, рассказ о действиях Святослава Киевского /С. 644-646./, повествование о спорах среди

половцев, походе Кончака на Переяславль /С. 646./, столкновении его с русскими князьями /С. 648./ и набеге Гзы на Путивль /С. 648-649./. Возможно, первые два отрывка, в которых как раз и прослеживаются отголоски "Слова", происходят из иного источника, нежели последующие. Во всяком случае, в последних наблюдается повторение сюжета о Давыде Смоленском, ранее изложенного в переяславской редакции, в то время как второй фрагмент обнаруживает свою связь с переяславским рассказом об этом князе. "Сказание о Емшан-траве" так же восходит к летописанию Мономашичей. Все это свидетельствует о том, что при создании как Ипатьевской летописи, так и "Слова о полку Игореве" использовался переяславский по происхождению источник.

Наконец, еще одна сторона, важная для создания образа автора, может быть раскрыта на материале текста самого "Слова". Поэт, безусловно, уже вышел из юношеского возраста, о чем свидетельствует его высказывание о возрасте Ростислава - "юноша". Так может говорить только более старший по возрасту человек, но автор и не стар, поскольку энергичная лексика выдает в нем человека деятельного, или, по крайней мере, сохранившего до глубокой старости живой ум и сильный характер[18]. Если эти предположения верны, то создатель "Слова" мог родиться около 1140 г. и начать свою активную деятельность около 1160 г., при Глебе Юрьевиче, или, возможно, несколько позднее - при вступлении на Переяславский стол Владимира Глебовича. И в том, и в другом случае автор входил в число испытанных дружинников князя.

Д.С.Лихачев отмечал: Автор "Слова" мог быть приближенным Игоря Святославича: он ему сочувствует. Он мог быть и приближенным Святослава Киевского: он сочувствует и ему. Он мог быть

черниговцем или киевлянином. Он мог быть дружинником: дружинными понятиями он пользуется постоянно. Он, несомненно, был книжно образованным человеком, и по своему социальному положению он вряд ли принадлежал к эксплуатируемым классам населения..Однако в своих политических воззрениях он не был ни "придворным", ни дружинником, ни защитником местных интересов, ни идеологом князей, бояр или духовенства. Где бы ни было создано "Слово" - в Киеве, в Чернигове, в Галиче, в Полоцке или в Новгород-Северском, - оно не воплотило в себе никаких областных черт. И это произошло в первую очередь потому, что автор "Слова" занимал свою независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию. Ему были чужды местные интересы феодальных верхов и были близки интересы широких слоев трудового населения Руси - единых повсюду и повсюду стремившихся к единству Руси[19].

Предложенная в этой статье гипотеза о Переяславском происхождении автора, как кажется, объясняет эту уникальную особенность памятника - свободу от узких княжеских интересов.Находящееся на границе Русской земли с Половецкой степью Переяславское княжество могло чувствовать себя в безопасности лишь в условиях совместных действий всех княжеств против кочевников. Отсюда происходит и политическая доктрина автора: требование совместных усилий русских князей в борьбе с половцами и прекращения усобиц. Таким образом отражающие местные и общерусские интересы взгляды создателя "Слова о полку Игореве" не опережали время, а были вполне созвучны своей эпохе. Это объясняет и ориентацию поэта на Святослава Киевского, на деле показавшего свою способность организовать силы многих русских княжеств на борьбу с кочевниками. Становится понятной и та двойственность

которая наблюдается в отношении автора к Игорю Святославичу: он - виновник разорения Кончаком Переяславской земли, бывший соперник Владимира Глебовича, но ныне - кающийся в содеянном союзник, сам пострадавший от половцев. Переяславский автор мог проявить некоторую свободу в отношении к князьям других русских земель. Понятен и его интерес к походу Новгород-Северского князя, поскольку эта операция привела к срыву общерусского похода в степь и сильно дестабилизировала обстановку на границах с половцами. В контексте такого определения авторства "Слова о полку Игореве" становится вполне объяснимым и обилие тюркизмов в этом памятнике, поскольку Переяславское княжество было окружено поселениями степных половцев, поросских торков, черниговских ковуев.

Какое же место в поисках автора "Слова о полку Игореве" занимает предложенная здесь гипотеза, и что мешает принять какое-нибудь из выдвинутых к настоящему моменту отождествлений?

Не смотря на высказанный еще Н.М.Карамзиным довод против церковного происхождения создателя бессмертного произведения, исследователи время от времени возвращаются к поискам автора в среде духовенства. Так, в 1846 г., Н.Головин пытался доказать авторство премудрого книжника Тимофея, упоминаемого под 1205 г. в Ипатьевской летописи. Увлекшись обнаруженным именем книжника, исследователь не обратил внимание на ярко выраженную церковно-религиозную направленность творчества Тимофея и не нашел аргументов против предположения о светском происхождении автора "Слова о полку Игореве"[20]. Другим примером такого рода стала гипотеза Глушенко, представленная в докладе на Общемосковском семинарии по проблемам древнерусской культуры в 1991 г. В качестве предполагаемого автора исследователь назвал Киево-Печерского архимандрита Василия, но кроме блистательно сделанной атрибутации одной из надписей в алтарной части Софийского собора в Киеве, как автографа этого церковно-

го иерарха Глущенко не привел каких-либо доказательств своей точки зрения и не отверг возражений Н.М.Карамзина.

Гипотезы о княжеском происхождении автора опираются на мнение, "что "Слово о полку Игореве" сложилось не в дружинной среде, а в княжеской"[21]. Хотя высказывавшие эту мысль исследователи имели в виду придворного поэта, тесно связанного с княжеским родом[22], в последние 25 лет появилось несколько предположений о конкретных князьях, возможных создателях "Слова".

Все эти гипотезы были подвергнуты критике со стороны Б.А.Рыбакова и В.Ю.Франчук, убедительно доказавших неуместность употребления некоторых обращений в устах князя[23]. Но помимо этого, общего для всех предположений данной группы, каждое конкретное отождествление обладает еще целым рядом слабых мест, характерных только для него. Так в гипотезе Н.В.Шарлеманя, И.И.Кобзева и В.А.Чивилихина об авторстве самого князя Игоря серьезным аргументом является то, что, якобы, поэт был свидетелем всех событий, связанных с князем[24]. Но как было показано ранее, автор говорит словно очевидец и о таких событиях, при свершении которых Игорь никак не мог присутствовать. Непонятными при этом оказываются политические и моральные оценки "Слова".

В.В.Медведев пытался доказать авторство великого киевского князя Святослава Всеволодовича[25], но создание великим киевским князем произведения, посвященного его вассалу, представляется невероятным. В.Грабовский и А.М.Домнин считали, что автор "Слова" - князь Святослав Ольгович Рыльский[26]. Но этот князь отличался молодостью /19 лет/ и скорее всего погиб в половецком плену, во всяком случае после 1185 г. в летописях о нем не упоминается. Кроме того, обе эти гипотезы основываются на весьма надуманном объяснении фразы "Слова о полку Игореве": "рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени..."

Этот же текст, но уже в интерпретации И.Е.Забелина: "Рекъ Бо-

янъ и Ходыка Святъславля пъснотворца старого времени...", лежит в основе гипотезы А.Ю.Чернова и Г.В.Сумарукова о том, что гениальным поэтом был нигде более неизвестный Ходына. Высказывалось предположение о принадлежности этого имени княгине. Однако эти интересные догадки нуждаются в веской аргументации.

С.Г.Пушик и Л.Е.Махновец высказали предположение о создании "Слова" Владимиром Ярославичем Галицким. Однако отсутствие описания обороны Путивля, связанной с походом Игоря, свидетелем которой был князь Владимир, позволяет усомниться в реальности этой гипотезы. Кроме того, наблюдается несоответствие политических позиций автора и этого князя[28].

Еще более сомнительными представляются гипотезы о принадлежности "Слова" перу княгинь. Так, вряд ли правомерен вывод об авторстве вдовы Олега Святославовича Агафьи Ростиславовны, причем не только потому, что о самой княгине достоверно известно только три факта[29], но и потому, что в "Слове" никак не отмечено участие в походе ее сына Святослава Рыльского. Выдвинутая М.А.Абрамовым гипотеза о создании "Слова о полку Игореве" женой Новгород-Северского князя - Ярославной, основана на далеко не однозначной психологической интерпретации текста[30], но не объясняет плохое знание автором обстановки в Северской земле во время отсутствия Игоря. Невероятным представляется и знание княгинями всех тонкостей военного и охотничьего быта, проявляемое создателем "Слова".

Более основательным представляется поиск автора в среде светского окружения князя, однако попытки более точно определить дружинное или придворное его происхождение едва ли могут быть признаны удачными[31], поскольку грань между этими социальными группами не была четкой и во многом определялась личными отношениями. К настоящему моменту существует несколько гипотез о принадлежности "Слова" перу светского феодала.

В 1938 г. И.Новиков, основываясь на указании Ипатьевской летописи о том, что вместе с Игорем в плену был сын тысяцкого и конюший, высказал предположение о том, что этот юноша и был автором гениального произведения. Учитывая сообщение В.Н.Татищева, что князь выдал за организовавшего его побег Лавора дочь тысяцкого Рагуила, автор гипотезы называет юношу его сыном и произвольно присваивает ему имя премудрого книжника Тимофея[32]. Однако остается не ясным, почему из двух упомянутых в летописи приближенных Игоря избран сын тысяцкого, и почему именно в их среде ищется автор "Слова"? Несоответствующим характеру текста памятника оказывается и достаточно юный возраст предполагаемого Тимофея Рагуиловича.

Это последнее обстоятельство заставило В.Г.Федорова выдвинуть на роль создателя "Слова" самого тысяцкого Рагуила[33]. Однако скудные сведения о нем не позволяют понять, почему именно Рагуил был его автором.

И.М.Кудрявцев так же предположил, что "Слово о полку Игореве" было написано тысяцким, сын которого находился в плену с князем Игорем, но исходя из наличия в тексте памятника сведений, известных только Новгородскому летописанию, считал его новгородским тысяцким Миронегом, которого, без всяких на то оснований, отождествлял с новгородским посадником Мирошкой Нездиничем и киевским зодчим Петром Милонегом. В сочетании характеристик этих разных людей И.М.Кудрявцев искал доказательство принадлежности ему и поэтического произведения[34].

Три названные гипотезы не только не имеют достаточной аргументации, но и порождают новые вопросы: например, отчего о пребывании Игоря в плену вместе с сыном тысяцкого мы узнаем из Ипатьевской летописи, а не из "Слова о полку Игореве"?

Существует еще несколько предположений о принадлежности "Сло-

ва" перу политических деятелей конца XII в. Так М.Т.Сокол высказал мысль о возможном авторстве Ольстина Олексича – крупного полководца и дипломата[35]. С.Тарасов выдвинул гипотезу о создании "Слова" милостником великого князя Святослава Всеволодовича Киевского – Кочкарем[36]. Говорилось и о возможном авторстве Беловода Просовича, принесшего в Чернигов весть о поражении Игоря[37]. Однако о занятии этих лиц литературой у нас нет никаких данных.

Несколько гипотез связаны с приурочиванием памятника к имени какого-либо известного поэта домонгольской Руси. Так А.К.Югов в "изобилующей историческими ошибками"[38] статье утверждает, что автором "Слова" был "словутный певец Митуса", упомянутый в Ипатьевской летописи под 1240 г.[39] Исследователь не обращает внимания на то, что появление этого поэта отделено от похода Игоря 55 годами.

Столь же странной кажется попытка отождествить создателя "Слова" с внуком Бояна[40]. В тексте памятника автор постоянно спорит с певцом Ольгова времени, что делает предположение об их близких родственных отношениях невероятным.

Наиболее аргументированной следует признать точку зрения Б.А. Рыбакова, считавшего автором "Слова о полку Игореве" киевского боярина и летописца Петра Бориславича. Основным звеном в системе доказательств ученого было предположение о составлении этим крупным феодалом летописи, охватывающей период с 1153 по 1196 гг., что подтверждало его образованность, интерес к истории, и светский характер его творчества, а учитывая социальное происхождение Петра Бориславовича, можно отметить совпадение такой его характеристики с образом автора, создавшего "Слово"[41].

Основным аргументом в системе доказательств здесь является составление Петром Бориславичем летописи, охватывающей период с 1153 по 1196 гг. Однако этот довод не представляется бесспорным. Во-первых, у нас нет свидетельств жизни Петра Бориславича в последней четверти XII в., т.к. сведения о нем исчезают со страниц

летописей после 1169 г. Во-вторых, приписываемые ему тексты были объединены в одну статью только в составе Киевского свода 1199 г. (составленного, возможно, в начале XIII в.), и восходят к различным ветвям южнорусского летописания. Некоторые фрагменты из сочинения В.Н.Татищева принадлежат не киевскому боярину, а волынскому книжнику. Спорной является принадлежность Петру Бориславичу даже статьи о его посольстве в 1153 г., поскольку как очевидец автор описывает и то, что творилось с Петром Бориславовичем, и то, что происходило в его отсутствие. К тому же упоминание в летописи потомков боярина Борислава сопровождается далеко не лестными отзывами.

Подводя итоги этого беглого обзора, можно сделать вывод, что наиболее убедительными выглядят гипотезы о создании "Слова о полку Игореве" светским феодалом, хотя ни одно из предложенных имен не может быть безоговорочно нами принято. Поиск причин ошибок исследователей, занимавшихся этим вопросом, убеждает, что домысливание фактов и биографии того или иного лица, из коих следует, что он мог иметь симпатии политические близкие к взглядам автора "Слова", не является надежным доказательством, а из предположения о занятии литературным трудом не следует возможность создания "Слова".

Исходя из этого, большинство исследователей отказывается от поиска имени гениального автора, ограничиваясь определением его политических симпатий, места жительства и социального происхождения. Таким образом, предлагаемая в этой статье гипотеза следует в русле существующих ныне тенденций в исследовании вопроса об авторстве "Слова о полку Игореве". Она опирается непосредственно на текст памятника, ведет поиск его создателя в кругу светских феодалов и стремится в первую очередь к воссозданию образа автора, а не определению его имени.

Новым в ней является то, что, говоря об поэте, мы отказываемся говорить о его происхождении на основе политических симпа-

тий и антипатий, проявляемых в памятнике. Новым является и определение места создания "Слова" (Переяславль). Традиционный район поиска – Киев и Чернигов; связь с этими центрами предполагается даже если говорится о Галицко-Волынском, Полоцком или Новгородском происхождении автора[42]. Гипотеза о Переяславском происхождении памятника позволяет по-новому взглянуть на призыв к объединению сил для защиты Русской земли, перечень князей, к которым обращается автор и многое другое.

Слабой стороной этой гипотезы является то, что "Слово" посвящено событиям в соседнем княжестве, которым уделено гораздо больше внимания, чем переяславским делам.

Дальнейшее изучение этого вопроса, возможно, пойдет по пути поиска текстологической связи "Слова" с другими памятниками древнерусской литературы, и прежде всего, теми из них, какие оказались тесно связанными с тем или иным княжеством. В этой связи, помимо уже упоминавшихся перекличек с Ипатьевской и Новгородской летописями, хотелось бы обратить внимание на имя Рогнеды – "Горислава" в Радзивиловской летописи[43], напоминающее отчество князя Олега в "Слове о полку Игореве"

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Франко И. Композиция "Слова о полку Игореве". // Archiv für slavische Philologie. – Berlin, 1907. – Bd. 29. – H. 2-3. – S. 299-307

2. Лихачев Д.С. Предположения о диалогическом строении "Слова о полку Игореве". // Лихачев Д.С. Избранные работы. – Л.: Худ.лит., 1987. – С. 198-220.

3. Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – Л.: Изд. ЛГУ, 1987. – С. 235-238.

4. Грушевський М.С. Історія української літератури. – Київ; Львів, 1923. – Т. 2 (частини першої книга друга). – С. 166-226;

Никитин А.Л. К вопросу о стратификации "Слова о полку Игореве"// Герменевтика древнерусской литературы. - М., 1989. - Сб. 2. XI - ХУ1 века. - С. 135-187.

5. Робинсон А.Н. Автор "Слова о полку Игореве" и его эпоха. // Слово о полку Игореве. 800 лет. - М.: Советский писатель, 1986. - С. 153-154.

6. Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. Поиск автора "Слова о полку Игореве". - М.: Молодая гвардия, 1991. - С. 125-126, 132.

7. Лихачев Д.С. Размышления об авторе "Слова о полку Игореве".// Лихачев Д.С. Избранные работы. - Л.: Худ. лит., 1987. - С. 165-170.

8. Адмони В.Г. Скальды при дворе конунгов. // ТОДРЛ. - Л.: Наука, 1985. - Т. 38.

9. Карамзин Н.М. История государства Российского. - СПб., 1816. - Т. 3. - С. 215.

10. Рыбаков Б.А. Петр Бориславич...; Франчук В.Ю. Мог ли Петр Бориславич создать "Слово о полку Игореве"? (Наблюдения над языком "Слова" и Ипатьевской летописи). // ТОДРЛ. - Л.: Наука, 1976. - Т. 31. - С. 77-92.; Франчук В.Ю. К вопросу об авторе. // Вопросы литературы. - 1985. - № 9. - С. 157-163.

11. Федоров В.Г. Кто был автором "Слова о полку Игореве" и где расположена река Каяла. - М., 1956.

12. Шкляревский И. Читаю "Слово о полку..." - М.: Просвещение, 1991. - С. 20-22.

13. Никитин А.Л. К вопросу о стратификации "Слова о полку Игореве"... - С. 177-187.

14. Косоруков А.А. Гений без имени:/ к 800-летию "Слова о полку Игореве". - М.: Современник, 1986. - С. 7-9.; Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - Л.: Наука, 1978. - С. 125.

15. ПСРЛ. - М.: Наука, 1962. - Т. 2. - С. 636-651.; далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте.

16. ПСРЛ. - М.: Наука, 1962. - Т. 1. - С. 397-400.

17. Воронин Н.Н. Существовал ли "Летописец Андрея Боголюбского".// Памятники истории и культуры. - Ярославль, 1976. - Вып. 1. - С. 28-43.; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М.; Л., 1947.; Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. - Л., 1967; Насонов А.Н. Об отношении летописания Переяславля-Русского к Киевскому (XII век).// Проблемы источниковедения. - М., 1959. - Т. 8.; Приселков М.Д. История русских летописных сводов XI-XV вв. - Л., 1940.; Шахматов А.А. Обозрения русских летописных сводов XIV-XVI вв. - М.; Л., 1938.

18. Шкляревский И. Читаю "Слово о полку..." - С. 23-24.

19. Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве": Историко-литературный очерк. - М.; Л., 1955. - С. 144.

20. Головин Н. Примечания на "Слово о полку Игореве" - М.,1846

21. Ржига В.Ф. "Слово о полку Игореве" как поэтический памятник Киевской феодальной Руси XII века.// Слово о полку Игореве. - М.; Л.: Academia, 1934. - С. 158.

22. Ржига В.Ф. "Слово о полку Игореве"... - С. 158.

23. Франчук В.Ю. Мог ли Петр Бориславич создать "Слово о полку Игореве"...; Рыбаков Б.А. Петр Бориславич...

24. Мариемань Н.В. Попытка раскрытия анонима автора "Слова о полку Игореве. - Київ, 1985.; Кобзев И. Автор "Слова" - князь Игорь. // Лит.Россия. - 1978. - 22/IX № 38. - С. 15.; Чивилихин В.А. Память.// Наш современник. - 1984. - № 3, - С. 98-128.; № 4. - С. 90 - 130.

25. Медведев В. Автор невідомий и... відомий?// Літературна Україна. - 1984 - 26/1.

26. Грабовський В. Сяйво черлених щитів.// Літературна Україна. - 1985. - 20/VI - С. 7.; Домнин А.И. Тропы предков. - Пермь, 1978. - С. 145-260.

27. Чернов А. Поэтическая полисемия и сфрагида автора в "Слове о полку Игореве".// Исследования "Слова о полку Игореве". -

Л.; Наука, 1986. – С. 270-295.; Древнерусская литература: изображение общества. – М.:Наука, 1991. – С. 221.

28. Пушик С. Автор "Слова" – син Осмомисла?// Прикарпатська правда. – 1985. – 5/1.; Махновець Л. Про автора "Слова".// Пам'ятники України. – Київ, 1985. – № 3. – С. 24-27.

29. Рыбаков Б.А. Петр Бориславич... – С. 156.

30. Абрамов М.А. К проблеме авторства "Слова о полку Игореве"// "Слово о полку Игореве" и мировоззрение его эпохи. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 154-163.

31. Иловайский Д.И. Несколько слов по поводу вопроса о древней русской поэзии.// Русское слово. – 1859. – № 12. – С. 515-520. Ржига В.Ф. "Слово о полку Игореве"... – С. 158-159.

32. Дмитриев Л.А. Автор "Слова о полку Игореве".// Словарь-справочник книжников и книжности Древней Руси. – Л.: Наука, 1987. – Вып.1. (XI-первая половина XIУ в.). – С. 25.

33. Федоров Р.Т. Кто был автором "Слова о полку Игореве"...

34. Кудрявцев И.М. Заметка к тексту: "С тоя же Каялы Святоплъкъ ..." в "Слове о полку Игореве".// ТОДРЛ. – Л., 1949. – Т. 7. – С. 407-409.

35. Сокол М.Т. К вопросу о творце "Песни о полку Игореве".// Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. – Днепропетровск, 1976. – Вып. 3. – С. 50-78.

36. Якобсон Р.О. Изучение "Слова о полку Игореве" в Соединенных Штатах Америки.// ТОДРЛ. – Л., 1958. – Т. 14. – С. 115.

37. Абрамов М.А. К проблеме авторства... – С. 154-163.

38. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". – М.: Наука, 1972. – С. 394.

39. Югов А.К. Историческое разыскание об авторе "Слова о полку Игореве"// Слово о полку Игореве. – Л., 1945. – С. 171-179.

40. Щепкина М.В. О личности певца "Слова о полку Игореве".// ТОДРЛ. – Л., 1960. – Т. 16. – С. 73-79.

41. Рыбаков Б.А. Петр Бориславич...

42. Дмитриев Л.А. Автор "Слова о полку Игореве"... – С. 22–25.

43. ПСРЛ. – Л.: Наука, 1989. – Т. 38. – С. 107.